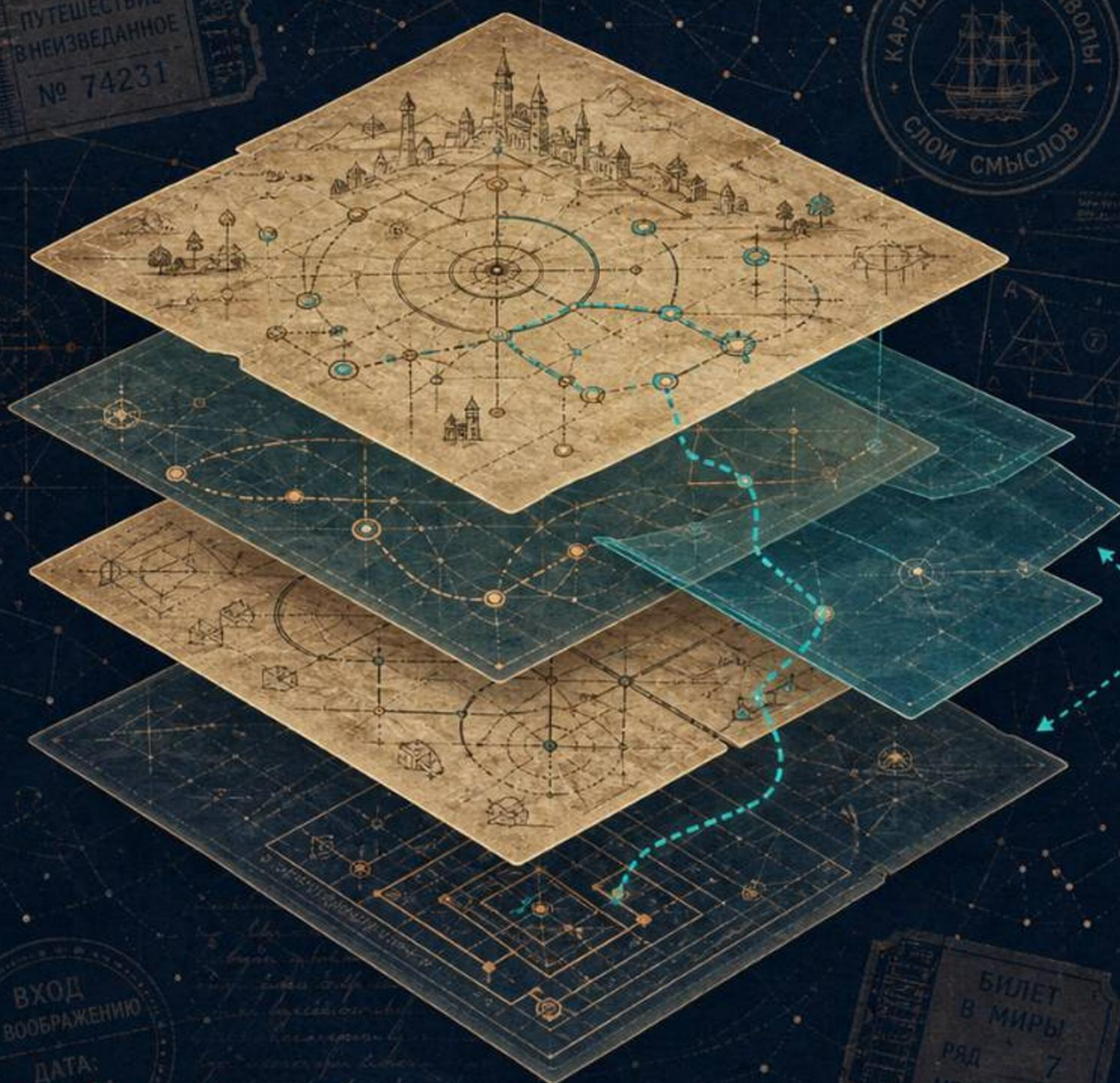

Воображаемые миры человека

Влад Велирский

Влад Велирский

Воображаемые миры человека

«Автор»

2026

Велирский В.

Воображаемые миры человека / В. Велирский — «Автор», 2026

Почему билет, должность, граница, рейтинг или музейное правило способны направлять поступки множества незнакомых людей? Дело не только в вере и не только в принуждении. Общие миры становятся устойчивыми благодаря носителям, повторению, распределению ролей, ресурсам, санкциям и привычным способам проверки. Влад Велирский приглашает читателя в выставку-лабораторию вымышленного города Северина. Вместе с её создателями читатель прослеживает путь от частного знака к действующему институту, учится отличать совпадение от согласования, запись от команды, показатель от обоснованной оценки, а факт — от гипотезы и интерпретации. Центральный инструмент книги — модель КАРТА: контур утверждения; артефакты и каналы; роли, ресурсы и выгоды; тесты, санкции и точки расхождения; альтернативы, поправки и выход.

© Велирский В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Билет в несуществующий зал	7
Глава 2. Где находится «мы»	11
Глава 3. Палец, взгляд и третий предмет	15
Глава 4. Просьба, сообщение, приглашение	19
Глава 5. Память снаружи кожи	23
Глава 6. Лестница, которой нет	27
Глава 7. План, который видят двое	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Влад Велирский

Воображаемые миры человека

От автора

В кармане лежит билет. Пока это всего лишь кусок плотной бумаги с краской. Но у входа в музей он разделит людей на тех, кто может пройти, и тех, кому придётся остаться снаружи. Охранник взглянет на дату, сканер сверит код, посетитель уступит место следующему. Ни бумага, ни краска сами по себе не обладают такой властью. И всё же право входа не призрачно: закрытая дверь вполне материальна.

Эта книга выросла из простого недоумения. Люди умеют действовать так, будто отсутствующее находится перед ними, далёкое касается их сейчас, а условный знак обязывает не хуже стены. Мы назначаем встречи на ещё не наступивший час, доверяем записям людей, которых никогда не видели, признаём полномочия должности после смены её носителя, спорим о границах, проведённых на карте. Общие символические миры делают возможной координацию в масштабах, недоступных одному знакомству и одной памяти. Они же способны скрывать цену порядка, превращать привычное в якобы естественное и придавать старому решению вид неизбежности.

Здесь легко выбрать слишком удобную крайность. Можно сказать, что деньги, право, организации, идентичности и научные нормы — лишь выдумки. Тогда исчезают принуждение, труд, инфраструктура и измеримые последствия. Можно, напротив, обращаться с каждым установленным порядком так, словно он существовал до людей и не допускает пересмотра. Тогда исчезают история, спор и ответственность за устройство правил. Обе крайности мешают увидеть главное: символическое и материальное не стоят по разные стороны баррикады. Общее представление становится действенным через вещи, процедуры, роли, повторение, выгоды, санкции и ожидания участников.

Поэтому книга не будет универсальной историей человечества, выстроенной как лестница от простого к сложному. У культур нет единого маршрута и финишной черты. Практики могут накапливаться, ветвиться, исчезать, возвращаться в новом виде; сходные результаты возникают разными путями, а одна технология приносит неодинаковые последствия в разных условиях. Совместное воображение здесь также не объявлено тайным двигателем всех человеческих достижений. Сотрудничество зависит от множества способностей, сред и конфликтов. Нас интересует более узкий вопрос: каким образом частный образ или предложение становится общим правилом действия — и как проверить это правило, не принимая его ни за пустую ложь, ни за закон природы.

Маршрут исследования пройдёт через вымышленный музей города Северина. Его сотрудники готовят выставку-лабораторию, в которой билет, детский жест, архивная карточка, карта, печать, таблица и цифровой интерфейс оказываются не иллюстрациями к готовой теории, а поводами задавать точные вопросы. Северин, музей и их работники вымышлены. Они не выступают свидетелями исторических событий и не подтверждают научных выводов. Эта рамка нужна, чтобы у каждого понятия было практическое испытание: если объяснение нельзя применить к конкретному решению, конфликту или ошибке, возможно, оно пока слишком расплывчато.

Научные исследования в книге имеют другой статус. Рассказ о них будет разделять три уровня. Словом «факт» обозначается документируемое наблюдение, результат исследования, датировка или описанная процедура. «Гипотеза» — причинное объяснение, которое можно опспорить и сопоставить с конкурентами. «Интерпретация» — связь между дисциплинами или

применение рабочей модели, за которое отвечает автор. Такая разметка не избавляет от ошибок и не превращает спорную область в таблицу окончательных ответов. Она делает видимым место, где заканчиваются данные и начинается рассуждение.

У книги есть рабочий инструмент — КАРТА общего мира. Первая буква предлагает очертить контур утверждения: что именно считается существующим, правильным или обязательным и к какому типу относится это высказывание. Вторая направляет внимание на артефакты и каналы: где правило записано, показано, повторено и как оно достигает новых участников. Третья раскрывает роли, ресурсы и распределение выгод: кто вправе говорить и действовать, кто исполняет решение, кто несёт затраты. Четвёртая требует найти тесты, санкции и точки расхождения: что случится при нарушении, какое свидетельство принимается, о чём в действительности спорят стороны. Последняя буква возвращает к альтернативам: возможны ли поправка, апелляция, выход или иной порядок и доступны ли они не только на бумаге.

КАРТА не претендует на теорию всего социального. Это последовательность вопросов для разбора одного правила выбранного масштаба. Её можно применить к очереди в учреждении, рейтингу на платформе, должностной инструкции или порядку обсуждения научного результата. Но она не поставит диагноз обществу, не измерит справедливость одной цифрой и не заменит историка, юриста, психолога либо антрополога там, где нужны их специальные методы. Если инструмент начнёт заранее выдавать один и тот же ответ, его тоже придётся разобирать по собственной схеме.

От читателя не требуется соглашаться со всеми интерпретациями. Напротив, полезнее держать рядом одно правило, которое кажется совершенно естественным, и одно, которое кажется очевидно нелепым. По мере чтения стоит задавать им одинаковые вопросы. На чём они записаны? Кто поддерживает их ежедневным действием? Как распределяются преимущества и издержки? Что считается нарушением? Какая проверка могла бы изменить ваше мнение? Есть ли реальная процедура пересмотра? Симпатия к одному правилу и неприязнь к другому не должны менять качество проверки.

Главная надежда этой книги скромнее разоблачения и труднее готовой морали. Общий мир не обязан быть невидимым, чтобы работать. Признать человеческое участие в его создании — не значит обесценить договор, знание или принадлежность. Это значит вернуть им устройство, историю и возможность ответственного ремонта. Мы начнём с билета в зал, которого ещё нет, и постепенно увидим, сколько рук, предметов, ожиданий и возражений требуется, чтобы дверь действительно открылась.

Глава 1. Билет в несуществующий зал

За шесть недель до открытия у выставки уже были билеты, но ещё не было зала.

На столе в проектной комнате лежала стопка плотных прямоугольников цвета старой меди. На каждом — название выставки, дата, время входа и чёрный квадрат кода. За стеной гудели дрели. В будущем первом зале не работало освещение, две витрины стояли в упаковке, а маршрут посетителя пока существовал только в виде полос малярной ленты на полу.

— Странная вещь, — сказала Лида, координатор музейных программ, поднимая билет за край. — Он разрешает войти туда, куда сейчас войти нельзя.

Руководитель проекта Андрей Ратников посмотрел на часы. Через десять минут началась проверка маршрута с добровольцами. Её придумали, чтобы обнаружить очевидные ошибки до того, как ошибки увидят сотни людей. Добровольцам выдали билеты, попросили пройти от гардероба до временной перегородки и вслух объяснять, чего они ожидают на каждом шаге.

Первой к столу подошла женщина в синем плаще. Она прочитала название, перевернула билет и спросила:

— А почему он настоящий, если выставка ещё не существует?

Вопрос прозвучал как придирка, но оказался точнее большинства вопросов проектной группы. Билет был настоящим как предмет: его можно было согнуть, потерять или испортить водой. Сведения на нём тоже были настоящими в обыденном смысле: музей действительно планировал открыть выставку в указанную дату. Однако главное свойство билета — провести человека через будущий контроль — нельзя было найти ни в бумажных волокнах, ни в краске. Оно зависело от того, что ещё не случилось: от монтажа, расписания сотрудников, работающего сканера, решения музея признавать этот код и ожидания посетителя, что остальные участники поступят согласованно.

Билет вёл в несуществующий зал не потому, что обладал магией. Он связывал настоящее с условием, которое множество людей обещало выполнить в будущем.

Пять разных способов отсутствовать

Разговор о воображаемом быстро становится неточным, если одним словом обозначить слишком разные явления. Образ ещё не построенного зала, ошибочный адрес, поддельный пропуск, детская игра и действующее правило могут касаться того, чего нет перед глазами. Но отсутствие предмета не делает эти случаи одинаковыми.

Начнём с образа. Андрей мог представить готовую выставку, но, чтобы образ влиял на других, его требовалось описать, нарисовать, превратить в задание. Частный мысленный образ не является общим миром: другие могут о нём не знать или понимать его иначе.

Второй случай — ошибка. Если на билете случайно напечатан неверный час, посетитель может искренне принять запись за верную. Здесь различие проходит между представлением и тем порядком, который участники считают действующим. Ошибку можно обнаружить сверкой: сопоставить билет с расписанием, записью в системе и решением организаторов. Человек не обязан намеренно вводить кого-либо в заблуждение, чтобы его действие опиралось на ложное убеждение.

Третий случай — ложь. Если сотрудник знает, что код аннулирован, но обещает по нему вход, он намеренно скрывает расхождение между сообщением и своим убеждением. Не всякая неточность — ложь и не всякая условность — обман: кассир вправе считать бумагу разрешением, если музей поддерживает правило.

Четвёртый случай — игра. Ребёнок объявляет картонный кружок билетом на корабль, а участники принимают рамку «как будто». Они не обязаны считать корабль физически суще-

ствующим. Спор «корабль уже отплыл» имеет смысл внутри игры; требование судовых документов разрушает согласованную форму действия.

Наконец, условность связывает знак с повторяемым ожиданием за пределами игры. Билет означает право входа не из-за сходства с дверью, а потому что музей его выпускает, посетители приобретают, контролёры признают, техника считывает. Условность не перестаёт действовать, когда участники замечают её человеческое происхождение.

Женщина в синем плаще выслушала объяснение и снова посмотрела на билет.

— Значит, сейчас он всё-таки ненастоящий?

— Сейчас он ещё не пропускает через турникет, — ответил Андрей. — Но уже меняет ваши действия. Вы пришли на проверку в назначенное время и нашли нужный вход.

Она кивнула, однако билет не убрала.

Не вещь, а связка

В проектной комнате попытались сформулировать определение, которое не превращало бы общее воображение ни в туман внутри множества голов, ни в особый класс волшебных предметов. Первая версия звучала просто: «Общий символический мир — это то, во что верит много людей». Она не выдержала и минуты.

Множество людей может одинаково ошибаться или знать один сюжет, не меняя из-за него действий. Участники способны соблюдать правило, не веря в его справедливость: убеждения различаются, а действия сходятся у одной двери.

Вторая версия относилась сюда всё созданное людьми. Она была чрезмерно широкой. Стул создан людьми, но способность поверхности удерживать тело не возникает из соглашения. При этом собственность на стул и правила пользования им социально организованы: материальная причинность и символическое значение соседствуют, не становясь одним и тем же.

Третья версия говорила: «Это несуществующая вещь с реальными последствиями». Она сохраняла старую ловушку. Право входа не существует как скрытая частица внутри билета, но из этого не следует, что оно нигде не существует. Оно реализовано в распределённой связке: записи в базе, обязанности контролёра, настройке сканера, договоре с посетителем, процедуре возврата, возможности вызвать администратора. Удалите один элемент — система, вероятно, продолжит работать. Удалите достаточно важных элементов — билет превратится в сувенир.

Рабочее определение появилось после того, как Лида стёрла с доски слово «вещь» и написала «координация»:

> Общий символический мир — это устойчивая координация действий вокруг разделяемых значений, закреплённых в доступных участникам носителях, ролях и ожидаемых последствиях.

Каждое слово здесь ограничивает понятие.

Координация означает не сходные картинки в сознании, а совместимый порядок разных действий: кассир продаёт, посетитель предъявляет, контролёр проверяет. Устойчивость не равна вечности — достаточно, чтобы порядок воспроизводился между эпизодами. Разделяемое значение также не требует согласия о справедливости правила: участникам достаточно распознавать практически важное различие между действительным и аннулированным билетом. Носители выносят это различие за пределы личной памяти; роли определяют полномочия; ожидаемые последствия связывают знак с опытом.

Определение операционно, пока ведёт к наблюдаемым опорам. Оно не предполагает одинаковых представлений, а требует проверить совместимость действий, носители различий, роли и последствия отклонения.

Первый проход по КАРТЕ

Чтобы не влюбиться в удачную формулировку, команда решила испытать её на билете. На стол положили пять карточек — по одной для каждого слоя КАРТЫ.

На карточке «Контур» записали: «Предъявитель действительного билета на указанное время имеет право войти на выставку». Формулировка обнаружила то, что прятало короткое слово «билет»: требовалось определить действительность, время, предъявителя и исключения.

На карточке «Артефакты и каналы» появились бумажный билет, письмо, база кодов, табличка и объяснение кассира. Каждый носитель открывал свою возможность ошибки: письмо могло потеряться, база — не синхронизироваться, объяснение — измениться при пересказе.

Карточка «Роли, ресурсы и выгоды» оказалась самой многолюдной. Посетитель получал предсказуемый доступ; музей — возможность распределить поток и оплату; контролёр — полномочие остановить человека; технический подрядчик — задачу поддерживать систему; администратор — право решать исключения. Рядом записали издержки: время ожидания, стоимость, необходимость иметь телефон или хранить бумагу, риск ошибочного отказа. Один и тот же порядок давал удобство одним и дополнительную работу другим.

На карточке «Тесты, санкции и расхождения» команда указала сканирование кода, сверку даты, повторную проверку по списку и обращение к администратору. Слово «тест» здесь не означало научный эксперимент. Это была принятая процедура, по которой внутри системы отличали действительный билет от недействительного. Процедура могла ошибаться. Красный сигнал сканера был свидетельством состояния базы, а не окончательной истиной о праве человека. Поэтому рядом требовалась точка расхождения: что делать, если письмо подтверждает покупку, а код не читается?

Последняя карточка — «Альтернативы, поправки и выход» — сначала осталась почти пустой. Можно вернуть билет до определённого срока. Можно выбрать другой сеанс. Можно обратиться к администратору. Но что делать человеку, который не пользуется смартфоном? Кто исправит неверно указанную фамилию? Есть ли способ пройти проверку без публичного объяснения личных обстоятельств? Формальная альтернатива существовала не для каждого и не по одинаковой цене.

Разбор не вынес приговор системе, а показал её устройство: где правило сформулировано, через что передаётся, кому даёт полномочия, чем проверяется и как допускает изменение. КАРТА заменила общий жест в сторону «коллективной веры» сопоставимыми вопросами.

Реальность отменяемого

К временной перегородке подошла та же женщина в синем плаще. Контролёр-доброволец отсканировал её билет учебным приложением. Экран вспыхнул зелёным, хотя за перегородкой находились лестница, кабели и закрытые ящики.

— Теперь он настоящий? — спросила она.

— Теперь система его признала, — сказал Андрей.

— Но вы можете завтра отменить всю выставку.

— Можем.

— Тогда почему правило реально, если его можно отменить?

Вопрос возвращал скрытое предположение: реально только независимое от человеческого решения. Но отменяемость не равна отсутствию. Пока порядок действует, он распределяет возможности и издержки; после отмены остаются потраченное время, возвраты и разобранные конструкции.

Перегородку тоже можно снести; от этого она не перестаёт сейчас перекрывать проход. Разница в механизме: материал сопротивляется телу, а запрет может сохраняться после демонстрация благодаря табличке, сотруднику и правилу. Физически открытая дверь, напротив, способна оставаться недоступной.

Изменяемость правила ставит вопрос об ответственности: кто вправе его пересмотреть, по какой процедуре и за чей счёт. Фраза «это всего лишь условность» маскирует неравномерную возможность отменять. Для посетителя дата обязательна; для администрации изменяема, хотя и ценой возвратов.

Интерпретация. Общий символический мир реален не в смысле независимости от людей, а в смысле воспроизводимых различий в их действиях и последствиях. Его реальность имеет степень и архитектуру. Правило может быть широко известным, но плохо исполняемым; жёстко санкционируемым, но слабо признанным; тщательно записанным, но недоступным для части участников. Поэтому вопрос «существует ли оно?» часто полезно заменить вопросами «через что оно действует, для кого и при каких условиях перестаёт действовать?»

Не любое заявление создаёт общий мир. Если Андрей напишет «этот билет открывает все двери города», слова останутся словами без признания, ролей и последствий. Даже официальное распоряжение бывает бумажным, если никто не умеет его применять. Верно и обратное: очередь у двери может действовать без документа — её носителями становятся повторяемые действия, пространство и ожидания.

Женщина наконец положила билет в карман.

— Значит, зал появится не тогда, когда вы поставите последнюю витрину?

Андрей посмотрел на малярную ленту, на зелёный экран и на людей, которые уже обсуждали порядок входа в ещё закрытое помещение.

— Для разных задач он появляется в разное время. Строителям нужен один ответ, бухгалтерии другой, посетителю третий. Ошибка начинается, когда один ответ выдают за все остальные.

Проверка закончилась списком исправлений. На билете требовалось крупнее напечатать время, в письме — объяснить сбой кода, у входа — предусмотреть проверку без смартфона. Несуществующий зал уже заставлял менять текст и распределять ответственность.

Но оставался вопрос, который нельзя было решить макетом билета. Мы говорили, что участники координируются вокруг разделяемого значения. Где именно находится это «мы»? В сходстве личных намерений, во взаимном знании, в обязательстве друг перед другом или в устройстве совместного плана? Чтобы не спрятать проблему внутри удобного местоимения, следующую проверку предстояло начать не с музейного предмета, а с конкурирующих ответов на вопрос о совместном намерении.

Глава 2. Где находится «мы»

К десяти утра у команды было четыре инструкции для одного и того же действия.

На двери проектной комнаты Лида прикрепила лист: «В 10:15 все сотрудники проводят пробную группу по маршруту целиком». В рабочем чате Андрей написал: «Каждый проверяет свой участок и сообщает о сбоях». Технический подрядчик прислал таблицу, где у каждого входа стоял отдельный ответственный. А директор музея, заглянув на минуту, попросила никого не отвлекать от текущих задач: ей требовался только короткий проход двух дежурных.

В 10:15 Андрей вышел к началу маршрута. Лида ждала у первой витрины. Техник Егор стоял у сканера в конце коридора. Двое зрителей остались в залах, уверенные, что исполняют просьбу директора. Никто не бездействовал. Каждый мог показать сообщение, на которое опирался. Но команды не получилось.

— Мы же договорились пройти вместе, — сказала Лида.

— Мы договорились проверить маршрут, — возразил Егор. — Я проверяю свою часть.

— А кто такие «мы»? — спросила смотрительница из дверного проёма. — Все сотрудники? Те, кто в чате? Те, кого вписали в таблицу?

Вопрос звучал придиркой лишь до первой попытки ответить. Местоимение «мы» могло обозначать людей, оказавшихся рядом, адресатов сообщения, участников общего плана, сотрудников учреждения или тех, кто взял на себя взаимные обязательства. Эти множества пересекались, но не совпадали.

Команда отложила проход. На доске появились четыре колонки: особый способ намереваться, согласованные личные планы, позиция члена группы, совместное обязательство. Это были не четыре названия одного открытия. За ними стояли конкурирующие философские ответы на вопрос, что отличает действие вместе от нескольких действий по соседству.

Не сумма одинаковых желаний

Десять посетителей могут одновременно хотеть войти в музей, но совпадение целей ещё не делает их командой. А двое, несущие длинную витрину, выполняют разные движения, однако подстраивают шаг и учитывают целое. Значит, арифметика желаний не находит «мы». Что следует добавить: особую форму намерения, устройство планов, групповую точку зрения или обязательство?

Философские модели отвечают по-разному. Они уточняют понятия и проверяют их на мысленных случаях. Сами по себе они не доказывают, что в мозге существует единый модуль совместности. Такой переход потребовал бы отдельных психологических данных.

Сёрл: «мы» внутри каждого участника

В подходе Джона Сёрла коллективная интенциональность не сводится к набору личных намерений и убеждений о других. Участник способен понимать своё действие сразу в форме «мы делаем это», а затем видеть собственный вклад как часть общего действия. Такая форма не обязана быть результатом сложения нескольких мыслей «я сделаю своё, если остальные сделают своё».

Для музейной проверки это различие заметно. Андрей может намереваться осмотреть вход, предполагая, что Лида независимо осмотрит витрины. А может считать: «Мы проводим общий проход, и моя часть — проверить вход». Внешне первые минуты выглядят одинаково, но способ, которым он понимает своё действие, различен.

Сёрл не вводит над головами команды отдельный коллективный разум. «Мы-намерение» имеется у отдельных людей, но считается особой формой намеренности. Человек поэтому может ошибочно думать, что действует сообща: внутренней формы ещё недостаточно для состоявшейся координации.

Модель напоминает: сотрудничество нельзя гарантировать совместимостью личных расчётов. Но остаётся объяснить, как отдельные «мы-намерения» соединяются. Внутреннее представление участника и устройство общего порядка — связанные, но не тождественные предметы исследования.

Братман: сцепление планов

Майкл Братман ищет объяснение совместности в отношениях между намерениями и планами отдельных участников. Для небольших, неиерархических совместных действий существенны согласованность планов, взаимная отзывчивость и готовность поддерживать общее дело. Люди не просто имеют похожие цели: их намерения отсылают к совместной деятельности, частные планы не мешают друг другу, а действия меняются с учётом действий партнёра.

В музейной проверке ошибка стала видна именно как несовместимость подчинённых планов. Лидин вариант требовал синхронного движения всей группы. Таблица Егора разбивала маршрут на параллельные участки. Оба способа могли служить общей цели, но не одновременно. Фраза «проверить маршрут» скрывает разные представления о том, как команда это делает.

Братмановская рамка переводит разговор в наблюдаемые вопросы. Знают ли участники о намерениях друг друга? Согласуются ли способы выполнения? Отвечают ли люди на действия партнёров?

Однако модель небольшого совместного действия нельзя без дополнительного аргумента превращать в полное описание учреждения. Смотритель может участвовать в музейном маршруте, не зная планов дизайнера и программиста: координацию поддерживают также должности, документы и инфраструктура.

Остаётся нормативный вопрос: почему при нарушении плана другой вправе не только сожалеть, но и требовать объяснения? Некоторые философы считают, что в совместном действии возникает особая связь.

Туомела: действовать как член группы

Раймо Туомела различает действие в личном режиме и действие в режиме «мы». Человек может поддерживать один результат как частное лицо, потому что это выгодно ему, либо как член группы, принимая её цель и делая свою часть в соответствующем качестве. В развитых версиях подхода важны не только совпавшие действия, но и групповая причина: участники действуют ради принятой цели именно как участники.

Егор мог проверять сканер по двум причинам. В первом случае ему требовалось закрыть задачу подрядчика и получить отметку в отчёте; общий проход был лишь удобным моментом. Во втором он проверял сканер как участник музейной команды, чтобы состоялась общая проверка. Движения и даже полезный результат могли совпасть. Различалась позиция, из которой он связывал свой вклад с целым.

Подход Туомелы также не следует описывать одной формулой на все периоды его работы. В дискуссии менялись способы анализа «мы-намерения», а различение личного и группового режимов стало центральнее в позднейших формулировках. Поэтому нечестно располагать авторов на простой лестнице, будто каждый лишь добавил недостающую деталь к предыдущему. Они по-разному решают, что именно нуждается в объяснении и какие элементы можно считать исходными.

Фраза «мы решили» иногда прикрывает решение немногих. Поэтому нужно спросить, как цель стала общей, кто участвовал в её выборе и возможен ли выход. Иначе язык совместности превращает подчинение в согласие.

«Групповая точка зрения не равна безусловной лояльности», — записал Андрей на полях доски.

Гилберт: право спросить «почему ты ушёл?»

Маргарет Гилберт помещает в центр совместное обязательство. Участники открыто выражают готовность быть связанными как одно целое в отношении некоторого действия. Из такой связи возникают особые позиции друг перед другом: если мы договорились идти вместе, я не просто предсказываю твой шаг, а получаю основание возразить, когда ты без объяснения уходишь.

Лида произнесла именно такую фразу в начале неудавшегося прохода. Но имелось ли совместное обязательство? Она вывесила инструкцию. Андрей написал другое сообщение. Несколько сотрудников не ответили ни на одно. Открытой взаимной готовности следовать одному порядку не возникло. Слово «договорились» описывало желаемое состояние как свершившееся.

Рамка Гилберт замечает то, что анализ эффективности легко пропускает: совместное действие организует не только прогнозы, но и отношения требований. Даже если маршрут удалось бы проверить случайным сложением усилий, сотрудники могли бы оспаривать право друг друга менять распределение задач.

Но обязательство и успешная координация тоже не совпадают. Двое могут действительно договориться нести витрину и всё же уронить её из-за несовместимых движений. И наоборот, опытные сотрудники способны без явного соглашения мгновенно скоординироваться при аварии. Поэтому модель, хорошо объясняющая взаимные права, не автоматически исчерпывает механику общего действия.

Четыре фонаря, а не четыре детали машины

Команда вернулась к исходному сбою и проверила его четырьмя способами.

Сёрловский вопрос звучал так: понимал ли каждый свой вклад в форме общего действия или лишь выполнял личную задачу рядом с другими? Братмановский: были ли намерения взаимосвязаны, планы совместимы, а участники отзывчивы к действиям друг друга? Вопрос в духе Туомелы: действовали ли люди как члены группы ради принятой групповой цели или только преследовали частные цели? Гилбертовский: возникло ли совместное обязательство, дающее участникам право требовать исполнения или согласования изменения?

Ответы разошлись. У Лиды было «мы-намерение», но не подтверждённое всеми обязательство. У Егора существовал рабочий план, совместимый с задачей подрядчика, но несовместимый с синхронным проходом. Смотрители действовали как сотрудники музея и следовали указанию руководителя, однако не знали, что коллеги считают целью. Андрей ожидал взаимной отзывчивости, не создав канала, где можно было бы согласовать конфликт инструкций.

Ни одна модель не оказалась последним словом, зато каждая осветила свой тип разрыва. Их не нужно собирать в формулу «истинного мы»: авторы расходятся в том, сводима ли совместность к личным установкам и откуда берутся взаимные права.

Факт философской дискуссии. В исследованиях коллективной интенциональности действительно сосуществуют конкурирующие анализы, а возражения касаются сводимости, кругов в определениях, нормативных связей и масштаба применимости.

Не установленный этим фактом вывод. Из наличия четырёх философских моделей нельзя заключить, что человеческая психика содержит четыре отдельных механизма или что одна теория подтверждена поведением музейной команды. Сцена лишь помогает различить вопросы.

Интерпретация для КАРТЫ. При разборе общего символического мира полезно не искать одно место, где хранится «мы», а проверять несколько связей: как участники называют общее действие, как сцеплены их планы, из какой роли они действуют, какие требования признают друг за другом и через какие носители исправляют расхождения.

Пересобрать проход

Новая инструкция заняла пять строк.

«Цель: всей командой пройти маршрут от входа до выхода и обнаружить свои переходов между участками. Участники: шесть перечисленных сотрудников. Каждый остаётся на своём участке до сигнала, затем присоединяется к группе. При конфликте задач действует решение координатора прохода. Изменение времени подтверждается в общем чате каждым участником».

Текст не создавал совместность сам по себе. Он делал видимыми контур действия, состав, планы, полномочие при расхождении и способ подтвердить изменение. Егор уточнил порядок при красном сигнале, а смотрительница попросила заменить слово «всей»: часть сотрудников не участвовала.

Второй проход начался без торжественного единодушия. Один считал проверку слишком длинной, другая сомневалась в выборе маршрута, Егор хотел вернуться к сканеру. Совпадения мнений не было. Но люди знали, какое действие считают общим, как их вклады соединяются и кто вправе менять порядок. У первой витрины Лида замедлилась, заметив, что смотрительница задержалась у двери. Группа остановилась, не получая отдельной команды.

Такое «мы» не находилось в одном предмете или одной голове. Оно осуществлялось в способе понимать действие, во взаимной настройке планов, в принятой роли, в праве задавать вопросы, в сообщении на экране и в паузе у двери. Уберите внутреннее понимание — останется дисциплинированная последовательность. Уберите согласование — добрые намерения столкнутся. Уберите право возразить — совместность станет хрупкой перед односторонним решением. Уберите носители — договорённость будет зависеть от памяти и доступа к разговору.

У выхода к группе подошёл мужчина с маленькой девочкой. Пока взрослые обсуждали таблицу, ребёнок увидел за стеклом механическую птицу. Она посмотрела на отца, указала на птицу и снова перевела взгляд на его лицо. Отец проследил за жестом и улыбнулся. Девочка не получила инструкции, не объявила групповой цели и не заключила явного обязательства. И всё же между двумя людьми и третьим предметом возникла короткая координация внимания.

Если взрослое «мы» требует стольких различий, с чего начинается способность замечать общий фокус вообще? Следующая проверка должна была отступить от музейных регламентов к более ранней сцене: пальцу, взгляду и предмету, который двое впервые видят вместе.

Глава 3. Палец, взгляд и третий предмет

Девочка у механической птицы не сразу подняла руку. Сначала она остановилась перед витриной, приоткрыла рот и проследила, как медное крыло дёрнулось под стеклом. Потом посмотрела на отца. Тот читал сообщение в телефоне. Девочка снова повернулась к птице, вытянула указательный палец и негромко произнесла что-то, чего Андрей не расслышал. Отец поднял голову, проследил от её пальца к витрине и улыбнулся. Девочка проверила его лицо, опять посмотрела на птицу и засмеялась, когда крыло сделало второй оборот.

В этой короткой сцене не было ни инструкции, ни распределённых задач, ни явного соглашения. И всё же она отличалась от двух независимых наблюдений. Ребёнку было важно не только увидеть птицу. Она добилась того, чтобы другой человек заметил тот же предмет, а затем проверила его отклик.

Лида, наблюдавшая сцену с другого конца зала, предложила поставить перед витриной табличку: «Здесь начинается общее внимание». Андрей зачеркнул слово «начинается».

— Мы не знаем, что именно началось у этой девочки сегодня, — сказал он. — И тем более не можем по одной сцене назначить начало всем детям.

Они оставили вопрос: что можно утверждать по видимым действиям, не притворяясь, будто мы непосредственно читаем содержание двух сознаний?

От лица к предмету и обратно

Когда два человека обращены друг к другу, исследователи могут описывать их взаимодействие как диадическое: один участник отвечает другому. Младенец смотрит на лицо взрослого, взрослый меняет выражение, ребёнок отвечает голосом или движением. Это уже сложный обмен, зависящий от времени, чувствительности партнёра и состояния ребёнка. Слово «диадический» не означает «примитивный».

В сцене у витрины появилась третья вершина: ребёнок, взрослый и птица. Девочка не просто отреагировала на отца и не просто исследовала предмет. Она связала внимание к предмету с вниманием партнёра. Такое взаимодействие называют триадическим.

Три вершины на схеме ещё не доказывают совместного внимания. Отец может повернуться на звук, не заметив жеста дочери, а двое — случайно направить глаза в одну сторону. Напротив, партнёры способны координироваться, не видя предмет одновременно: взрослый ищет упавшую игрушку по жесту ребёнка.

Поэтому совместное внимание — не магическое совпадение внутренних картинок и не фотография двух одинаково направленных взглядов. В рабочем смысле это координационная практика: участники доступными средствами устанавливают, поддерживают или восстанавливают общий фокус и учитывают участие другого. Исследователь видит последовательность сигналов и ответов — перевод взгляда, жест, голос, задержку, проверку лица, повторную попытку. Вывод о том, что происходит между участниками, строится на рисунке действий, а не на прямом доступе к их переживаниям.

Один палец — разные действия

Для интерактивного экрана команда положила на стол три музейные ситуации.

В первой ребёнок тянется к лежащему за ограждением мячу, указывает на него и смотрит на взрослого. Когда взрослый подаёт мяч, ребёнок берёт его. Здесь жест может служить просьбой: партнёр нужен, чтобы получить предмет или результат. Такой жест часто называют императивным, но название не должно внушать, будто ребёнок обязательно отдаёт приказ. Наблюдаемая функция — попытка направить действие другого к желаемому результату.

Во второй ситуации за спиной смотрительницы падает картонная декорация. Ребёнок указывает на неё, переводит взгляд на смотрительницу, а после её поворота прекращает

попытки. Он не получает предмет. Возможная функция жеста — сообщить о событии или направить внимание партнёра к тому, чего тот не видел.

В третьей ситуации механическая птица снова двигает крылом. Девочка указывает, смотрит на отца, а когда он замечает птицу, улыбается и продолжает чередовать взгляд между ним и витриной. Практический результат не исчерпывается тем, что взрослый повернул голову. Похоже, ребёнок поддерживает разделённый интерес или отношение к событию.

Одинаковая форма руки не гарантирует одинакового коммуникативного действия. Значение выявляется по ситуации, ожидаемой реакции и тому, что ребёнок делает после ответа партнёра. Если взрослый даёт предмет, удовлетворяет ли это попытку? Если он лишь смотрит, достаточно ли этого? Возобновляет ли ребёнок жест, когда взрослый повернулся не туда? Проверяет ли лицо партнёра?

Обзор исследований младенческого указания, опубликованный Майклом Томаселло, Малиндой Карпентер и Ульфом Лишковски, предлагает различать по меньшей мере инструментальные и декларативные функции и внутри декларативного общения обсуждает обмен информацией и разделение отношения или интереса. Это теоретически содержательное различие, а не словарь, позволяющий безошибочно перевести каждый палец. Одно действие может быть неоднозначно, а экспериментальная задача — искусственно сужать набор возможных мотивов.

Факт. Наблюдательные и экспериментальные исследования описывают у маленьких детей указательные жесты, связанные с получением желаемого, направлением внимания другого, сообщением и разделением интереса. Реакции ребёнка на разные ответы взрослого помогают исследователям проверять конкурирующие объяснения.

Ограничение. Из отдельного жеста нельзя надёжно вывести единственный мотив. Контекст, предыдущая история взаимодействия, доступные ребёнку средства общения и способ кодирования поведения влияют на интерпретацию.

Экран показывал не неподвижную руку, а последовательность: что было до жеста, как ответил взрослый и что ребёнок сделал потом. В конце появлялся вопрос: «Какое наблюдение изменило бы ваш вывод?»

Не луч, а петля проверки

Популярная картинка изображает указательный жест как стрелку: намерение возникает в голове ребёнка, проходит по пальцу и попадает в предмет, после чего взрослый считывает сообщение. В реальном взаимодействии путь чаще похож на петлю.

Девочка у птицы сначала проверила доступность отца, затем указала, дождалась его поворота, посмотрела на лицо и только после этого вернулась к предмету. Если бы отец посмотрел на соседнюю витрину, она могла бы повторить жест или изменить голос. Если бы он не ответил, попытка могла прекратиться. Общий фокус не пересылается готовым пакетом. Он достигается серией поправок.

Взрослый прослеживает направление, называет предмет, приближается или не отвечает. Его реакция меняет следующую попытку ребёнка. Иногда он сам создаёт общий фокус: показывает вещь и ждёт перевода взгляда. Координация возникает из взаимно чувствительной последовательности, хотя роли участников несимметричны.

Это помогает избежать двух крайностей. Первая объявляет любой совместный взгляд доказательством того, что ребёнок уже обладает взрослым понятием общего знания. Вторая сводит поведение к механическому слежению за направлением головы. Между ними находится исследовательская задача: различить, когда ребёнок учитывает внимание партнёра и его осведомлённость, какими признаками пользуется и насколько устойчиво переносит действие в новую ситуацию.

Лонгитюдная работа Малинды Карпентер, Кэтрин Нейджел и Майкла Томаселло прослеживала проявления социальной когниции и коммуникации у одних и тех же детей от девяти

до пятнадцати месяцев. Но последовательность наблюдений не превращается от этого в одну причинную лестницу.

Навыки могут появляться не синхронно. Ребёнок следует за взглядом в одной задаче, но не использует указание в другой; активно показывает знакомому взрослому и молчит с экспериментатором; понимает жест в привычной комнате и теряется в незнакомой процедуре. Усталость, моторные возможности, языковая среда, темперамент, отношения с партнёром и сама экспериментальная обстановка способны менять наблюдаемый результат.

Поэтому точнее говорить не о включении единого переключателя «совместное внимание», а о развивающемся наборе способов координации. Они связаны, но конкретное исследование измеряет конкретное действие в конкретной процедуре.

Средний возраст — не край пропасти

Для таблички Лида нашла привлекательную формулу: «Около года ребёнок вступает в общий мир». Она звучала ясно и почти ничего не объясняла.

Возрастные средние нужны исследованию. Они позволяют описывать выборку, сравнивать условия и замечать типичные изменения. Но среднее не является сроком годности, нормативным приказом или границей между отсутствием и наличием человеческой способности. Если в группе некоторый жест чаще наблюдался в определённом возрасте, из этого не следует, что каждый ребёнок обязан продемонстрировать его в тот же месяц и в той же экспериментальной форме.

Особенно рискованно соединять несколько результатов в универсальный календарь: в девять месяцев «возникает» слежение, в двенадцать — указание, затем — намерение, затем — культура. Исследования используют разные определения, выборки и задачи. Работа 1998 года важна для истории вопроса, но её процедура и состав участников не представляют автоматически всё разнообразие детского развития. Новые исследования могут уточнять как сроки, так и значение измеряемого поведения.

Индивидуальная вариативность — не шум, который нужно стыдливо убрать из рассказа. Она ставит вопросы о разных путях к координации. Один ребёнок раньше использует голос, другой — жест; одному легче отвечать знакомому человеку, другому — действовать с предметом; видимые и слышимые сигналы доступны детям неодинаково. Отсутствие конкретного ответа в короткой задаче может означать много разных вещей и само по себе не даёт диагноза.

Возрастные ориентиры не бесполезны, но профессиональная оценка опирается на совокупность наблюдений, историю ребёнка и проверенные инструменты. Музейная подпись была скромнее: «В исследованиях способы координации внимания заметно меняются в течение первого и второго года жизни. Оценки относятся к выборкам и методам; дети и ситуации различаются».

Что здесь действительно общее

Девочка и отец могли координировать внимание без заранее принятого плана и взаимного права требовать продолжения. И всё же эпизод показывает минимальную архитектуру: участник выделяет предмет, делает свой фокус доступным другому, отслеживает ответ и исправляет расхождение. «Общее» здесь означает не одинаковое переживание, а взаимно учитываемую направленность.

Такой вывод не разрешает спор о происхождении человеческой культуры. В влиятельном теоретическом синтезе Томаселло и коллег способность разделять намерения связывается с особыми формами человеческого культурного познания. Это исследовательская программа с сравнительными аргументами, а не доказательство единственной причины сотрудничества и не лицензия расположить виды или детей на лестнице совершенства. Сравнить нужно конкретные задачи, условия выращивания, опыт и альтернативные объяснения.

Гипотеза. Ранние практики совместного внимания могут создавать основу для обучения, в котором участник не только замечает чужое действие, но и понимает его как обращённое к общему предмету или цели.

Не следует из гипотезы. Любая передача навыка требует полного совпадения представлений; совместное внимание исключительно человеческое во всех возможных смыслах; один лабораторный показатель предсказывает культурную судьбу человека.

Интерпретация для КАРТЫ. Уже в коротком эпизоде можно увидеть контур фокуса — птицу как предмет обращения; канал — палец, взгляд, голос и положение тела; роли — инициатор и отвечающий партнёр, способные меняться; тест расхождения — проверку лица и повтор жеста; альтернативу — прекратить попытку, приблизиться или использовать другой сигнал. Это ещё не институт и не символический мир, но здесь видна микромеханика согласования, которой позднее пользуются правила, знаки и планы.

Сигнал — не единственный путь

Консультант по доступности Вера заметила, что инсталляция распознаёт только взгляд и палец. Команда добавила голосовой, световой и тактильный способы направить партнёра к предмету. Исследовательская категория не должна превращать один распространённый способ координации в обязательную форму: общий фокус определяется состоявшейся петлёй ответа, а не жестом-паролем.

Когда зал опустел, механическая птица продолжала взмахивать крылом. Без посетителей движение никому ничего не показывало, а палец сам по себе не нёс единственного значения. Общий фокус возникал между предметом, сигналом, ответом и поправкой.

Но зачем ребёнок втягивает другого в эту петлю — получить предмет, предупредить, помочь или разделить удивление? Способность направить внимание ещё не объясняла мотива поддерживать его. Между просьбой, сообщением и приглашением оставался следующий разрыв.

Глава 4. Просьба, сообщение, приглашение

Первое задание детского маршрута выглядело безупречно на схеме. На экране появлялся мальчик, указывающий на коробку с заводной мышью. Посетителю предлагалось выбрать ответ: подать коробку, открыть её или посмотреть в указанном направлении. После верного действия мышь должна была пробежать по столу.

На пробе трое взрослых выбрали три разных варианта. Егор подал коробку. Лида посмотрела на неё и сказала: «Вижу». Смотровельница открыла крышку. Экран объявил два ответа ошибочными, хотя в самой анимации не было видно, чего мальчик хотел от партнёра.

— Мы проверяем понимание ребёнка или угадывание сценариста? — спросила смотрительница.

Команда только что научила посетителя учитывать последовательность жеста и ответа, но сама вырезала эту последовательность из задания. Палец задавал направление, а мотив ему приписала программа. Чтобы исправить маршрут, нужно было различить как минимум три задачи: добиться действия, передать недостающую информацию и разделить интерес. Внешняя форма могла совпадать; ожидаемый ответ — нет.

Когда другой нужен как средство действия

В простейшем прочтении мальчик хотел получить коробку или запустить мышь. Он не мог дотянуться, поэтому направил взрослого к предмету. Если партнёр подал коробку и попытка прекратилась, это поддерживало инструментальное объяснение. Взрослый был необходим как тот, кто способен изменить ситуацию.

Инструментальный мотив не делает коммуникацию менее социальной. Ребёнку приходится выделить подходящего партнёра, привлечь его внимание, указать цель и проверить результат. Однако критерий успеха здесь связан прежде всего с изменением внешнего положения дел: предмет оказался ближе, дверь открылась, игрушка заработала.

Исследователю важна не только вытянутая рука, но и обращённость к партнёру. Возобновляет ли ребёнок сигнал, если взрослый бездействует? Меняет ли способ обращения? Поправляет ли ошибку?

Но и эта совокупность не даёт прозрачного доступа к мотиву. В знакомой ситуации ребёнок может почти не смотреть на взрослого, потому что ожидаемый ответ давно отработан. В лаборатории незнакомый партнёр способен изменить поведение. Отсутствие одного признака нельзя автоматически считать отсутствием коммуникации.

Для экрана команда добавила продолжение. В первой версии взрослый смотрел на коробку и улыбался, но не двигал её. Мальчик повторял жест и тянулся сильнее. Когда коробку подали, он сразу занялся крышкой. Такое развитие делало инструментальную гипотезу убедительнее — не доказанной чтением мыслей, а лучше согласованной с наблюдаемой петлёй.

Когда партнёру чего-то не хватает

Во второй версии мышь уже выбралась из коробки и скрылась под стендом за спиной взрослого. Мальчик видел это, взрослый — нет. Ребёнок указывал в сторону стенда. Когда партнёр лишь протягивал ему пустую коробку, он продолжал сигнал; когда оборачивался и находил мышь, попытка прекращалась.

Здесь возможен информативный мотив: сделать доступным другому событие или положение предмета, которого тот не заметил. Успех состоит не обязательно в получении вещи и не только в совместном направлении глаз. Партнёр должен обнаружить релевантное обстоятельство.

Слово «информация» может создать ложное впечатление готового сообщения, которое ребёнок кодирует в жесте, а взрослый распаковывает. На деле значение снова зависит от общего контекста. Указание задаёт направление, но партнёру приходится понять, что в этой области

важно: мышь, упавшая табличка, опасный провод или место, где предмет был раньше. Общий опыт и текущая задача сужают возможные прочтения.

Способность сообщать полезное другому особенно интересна там, где отправитель не получает немедленной материальной выгоды. Но отсутствие видимой награды ещё не доказывает чистого бескорыстия. Ребёнок может искать одобрения, продолжения игры, восстановления привычного порядка или эмоционального отклика. Исследователь сравнивает условия и реакции, а не объявляет один эпизод окончательным окном в мотивацию.

На стенде появилась проверка осведомлённости. В одном ролике взрослый видел, куда убежала мышь; в другом в этот момент отворачивался. Если жест различается в зависимости от того, что партнёр мог знать, это даёт основание обсуждать чувствительность к его информационному состоянию. Но слова «мог знать» требуют аккуратности: экспериментальная процедура должна исключать более простые подсказки, прежде чем вывод станет сильным.

Когда результата недостаточно без отклика

Третья версия возвращала механическую птицу. Девочка не просила достать её и не предупредила о скрытом событии. Она указывала, ждала поворота отца и проверяла его лицо. Когда он смотрел на птицу без выражения и снова опускал глаза в телефон, она повторяла обращение. Когда он удивлялся и переводил взгляд к ней, девочка улыбалась.

Такое поведение обсуждают как декларативное указание и, в более узком объяснении, как попытку разделить интерес или отношение. Партнёр нужен не только как исполнитель и не просто как получатель сведений. Его отклик входит в желаемый результат.

Формулировка «разделить переживание» звучит сильнее, чем позволяют внешние данные. Исследователь видит, что разные реакции партнёра по-разному завершают попытку. Он может предполагать, что ребёнку важно совместное отношение, но не измеряет тождество эмоций. Отец может улыбнуться дочери, оставаясь равнодушным к механизму; ребёнок может искать подтверждения безопасности, а не эстетического восторга.

Поэтому команда назвала третий вариант не «мы чувствуем одно», а «приглашение поддерживать общий интерес». Приглашение допускает ответ, отказ и несовпадение отношения. Оно делает реакцию другого значимой, но не предписывает ему внутреннюю копию переживания.

Три мотива не образуют закрытые ящики. В одном обращении ребёнок способен одновременно хотеть предмет, сообщать о нём и приглашать партнёра к игре. Аналитическое различение нужно, чтобы ставить проверяемые вопросы: какой ответ завершает попытку, какую ошибку ребёнок поправляет, меняется ли поведение с осведомлённостью партнёра? Оно не требует насильно назначать каждому жесту одну сущность.

Помочь и дать знать

В соседней зоне взрослый не мог открыть шкаф: рычаг находился за перегородкой. Ребёнок мог указать на него или нажать. Помощь отличается от общего фокуса тем, что вклад организован вокруг чужой цели. Но полезное действие ещё не раскрывает мотив: ребёнок мог понять цель, повторить знакомый порядок или заинтересоваться механизмом.

Исследователи разводят объяснения, меняя видимость цели, наличие препятствия и обращение взрослого. Даже удачная лабораторная помощь не равна устойчивой доброжелательности. Указание на рычаг тоже может быть вкладом: ребёнок не выполняет операцию, но даёт партнёру недостающие основания для выбора. Внимание становится ресурсом координации.

Обзор Томаселло, Карпендер и Лишковски рассматривает указание как просьбу, информирование и разделение внимания. Конкретную функцию всё же устанавливают сравнением условий, а не авторитетом теории.

Факт. В экспериментах и наблюдениях дети способны использовать жесты в ситуациях, где непосредственная выдача желаемого предмета не объясняет весь рисунок поведения; исследователи проверяют чувствительность к вниманию, цели и осведомлённости партнёра.

Ограничение. Выполнение отдельной задачи зависит от возраста выборки, опыта общения, знакомости партнёра, формулировки ситуации и критериев кодирования. Результат не переносится автоматически на любой мотив, культуру и повседневный контекст.

Гипотеза разделённых намерений

Томаселло, Карпентер и их коллеги предложили влиятельную гипотезу: специфические формы человеческого культурного познания опираются на способность и мотивацию разделять с другими внимание, цели и намерения. В этой рамке важно не только предсказывать чужое поведение, но и вступать в совместную деятельность, где участники понимают взаимосвязанные роли и поддерживают общий фокус.

Гипотеза привлекательна тем, что соединяет ранние жесты, сотрудничество, обучение и более поздние культурные практики. Но связность объяснения не равна окончательному доказательству. Сравнительные исследования зависят от того, какие виды, группы и задачи выбраны, как животные воспитаны, насколько знакомы с экспериментатором и совпадает ли предложенная ситуация с их обычными способами действия.

Нельзя превратить различие результатов в формулу «у одних есть совместность, у других её нет». Следование взгляду, координация, помощь, информирование и участие в общей цели — разные показатели. Вид может успешно решать одну задачу и не проявлять ожидаемого поведения в другой. Отрицательный результат ограничивает конкретное утверждение при конкретных условиях, а не исчерпывает возможный репертуар.

Столь же опасен прямой переход от сравнительной гипотезы к судьбе отдельного ребёнка. Теория происхождения культурного познания не является диагностической шкалой. Развитие происходит в отношениях, практиках обучения и материальной среде; доступные способы выражения различаются. То, что исследователь называет мотивацией, проявляется через возможность действовать и понятность ответа партнёра.

Гипотеза авторов программы. Мотивация делиться психологическими состояниями и участвовать в совместных намерениях сыграла особую роль в человеческих формах сотрудничества и культурного обучения.

Не установленный факт. Эта мотивация является единственной причиной человеческой культуры, одинаково выражена у всех людей или полностью отсутствует у других видов.

Для КАРТЫ здесь важен сдвиг от способности к поддержанию. Человек может проследить взгляд и понять направление жеста, но не считать чужую цель заслуживающей вклада. Может уметь сообщить и скрыть информацию. Может вступить в общий фокус, но выйти, если ответ партнёра неприятен или цена высока. Возможность координации ещё не объясняет, почему она продолжается.

Мотив живёт не в пустоте

Мотив нельзя отделить от истории взаимодействия. Ребёнок узнаёт, какие сигналы замечают и на какие приглашения отвечают; взрослый учится читать его способы обращения. Повторяющиеся петли создают ожидания: игнорируемый жест усиливают, меняют или перестают использовать.

Среда также распределяет возможности. Шум, темп разговора и доступные средства связи определяют, кто может инициировать общий фокус. Экран, замечаящий только быстрый жест, измеряет не одну мотивацию, но и собственное устройство. Партнёры обучают друг друга обозначениям и способам исправлять недоразумение, а сообщества по-разному включают детей во взрослые дела. Поэтому общий вывод должен сохранять условия наблюдения.

Три вопроса вместо одного правильного ответа

Команда отказалась от кнопки «верно». Теперь посетитель видел три продолжения одного указательного жеста и отвечал на три вопроса.

Какого изменения добивается ребёнок? Что, по-видимому, неизвестно партнёру? Какой отклик завершает попытку? После выбора экран показывал не диагноз мотива, а основания и

альтернативы. Если данных не хватало, надпись так и говорила: «Сцена допускает несколько объяснений».

В финале мальчик указывал на закрытую коробку. Взрослый подавал её, но ребёнок качал головой. Взрослый открывал крышку — внутри было пусто. Тогда мальчик переводил палец на щель под шкафом. Партнёр наклонялся, замечал мышь и смеялся. Ребёнок смеялся в ответ.

Просьба ли это была, сообщение или приглашение? Последовательность включала все три возможности: взрослый совершил действие, получил недостающую информацию и поддерживал общий интерес. Смысл не хранился в пальце; он уточнялся через ответы.

Интерпретация для КАРТЫ. Контур совместности включает не только предмет, но и предполагаемую цель обращения. Каналы делают запрос доступным, роли связывают инициатора и отвечающего, тесты проявляются в исправлении неверного ответа, альтернативы — в смене жеста, голоса или действия. Мотив нельзя просто вписать в схему как скрытую причину: его проверяют по тому, какие различия меняют ход взаимодействия.

Когда программа заработала, Лида заметила новый предел. Все объяснения существовали лишь пока ребёнок и взрослый находились рядом, видели последовательность и помнили предыдущий ответ. Стоило партнёру уйти, как жест исчезал вместе с ситуацией.

Чтобы общий фокус пережил паузу, расстояние и смену участников, требовалось вынести след наружу: оставить метку, записку, схему или предмет в условленном месте. Мотив мог запустить координацию, но сохранить её должен был носитель. Следующий зал начинался с вопроса о памяти за пределами кожи.

Глава 5. Память снаружи кожи

После обеда детский маршрут перестал работать.

Утром Лида, исследователь и техник договорились: после экрана с механической птицей посетитель поворачивает налево, находит низкий стол с тремя коробками, а затем идёт к шкафу с рычагом. Команда проговорила последовательность дважды. Техник ушёл чинить датчик, Лиду вызвали к подрядчику, исследователь вернулся к подписям. Через два часа коробки уже стояли у другой стены, ширма закрывала левый проход, а никто не мог уверенно восстановить, что именно считалось окончательным решением.

— Мы же договорились, — сказала Лида.

Эта фраза верно описывала прошлое и почти не помогала настоящему. Каждый помнил разговор, но участники удержали разные его части. Техник запомнил порядок подключения. Лида — направление движения. Исследователь — условие, при котором маршрут следовало изменить. Общая договорённость существовала, пока люди могли поправлять друг друга; после паузы она распалась на несколько правдоподобных версий.

На ножке низкого стола обнаружилась полоска бирюзовой ленты. Утром техник наклеил её, чтобы обозначить сторону, обращённую к следующему стенду. Метка не содержала полного плана. Она не объясняла, кто принял решение, когда его можно пересмотреть и почему стол вообще передвинули. Но она сузила спор: одна ориентация оказалась лучше согласована с оставленным следом, чем другие.

Команда впервые увидела проблему следующего зала не как тему о хорошей памяти, а как разрыв во времени. Совместное действие должно переживать уход участника, смену внимания и появление человека, которого не было при разговоре. Для этого мало мотива поддерживать общий фокус. Нужен внешний носитель — и способ понять, что именно он позволяет восстановить.

След, подсказка и обязательство

Не всякая вещь, пережившая событие, является сообщением. Вмятина на полу свидетельствует о контакте, но сама не выбирает объяснение. Бирюзовая лента была намеренной меткой, однако её значение зависело от практики команды. Для уборщика та же полоска могла означать материал, который забыли снять.

Внешняя память начинается, когда участники используют изменение среды для последующего действия. Камешек у двери напоминает о посылке, предмет поперёк прохода останавливает привычное движение. Надёжность приёма зависит от связи между носителем, человеком и ситуацией.

Записка «стол поставить меткой к выходу» переносит слова через паузу, но тоже не самодостаточна. Какой стол? Какой выход? Действует ли инструкция после перестановки ширм? Чем дальше текст уходит от обстоятельств создания, тем больше ему нужны дата, подпись, версия или знакомая процедура.

Узел действует иначе. Он может хранить число, последовательность либо сам факт незавершённого дела, если пользователь заранее знает правило. Его достоинство — в простоте и телесной доступности; предел — в бедности различий без выученного кода. Схема показывает отношения в пространстве и позволяет сравнить варианты одним взглядом, зато неизбежно отбирает, какие объекты считать важными. Интерфейс не только показывает состояние, но и предлагает допустимые операции: кнопку можно нажать, поле — заполнить, элемент — перетащить. Каждая форма памяти сохраняет одно, затрудняет другое и направляет следующий шаг по-своему.

Носитель — не сосуд, куда смысл переливают без потерь. Записка выделяет формулировку, узел — состояние, схема — связи, интерфейс — доступные переходы. Формат ограни-

чивает чтения, но именно так решение получает форму, с которой можно спорить и которую можно исправить.

Не склад готовых воспоминаний

Лида предложила сфотографировать весь маршрут. Снимок показывал расположение коробок, но не объяснял, было ли оно утверждено или временно. Таблица версий позволяла установить последнее согласованное состояние — если кто-то своевременно вносил изменения.

Вещь не хранит уменьшенную копию прошлого, а предоставляет опору для восстановления. Вспомненное возникает во взаимодействии опыта, текущей цели и следа. Одинаковая метка помогает одному участнику и ничего не говорит другому из-за разной истории обращения с ней.

Современные обсуждения памяти через вещи подчёркивают действие: воспоминание может осуществляться с предметом, а не только вызываться предметом. Это теоретическая позиция, а не лицензия приписывать объекту отдельную человеческую способность. Без человека и освоенной практики бумага и металл не образуют воспоминание; без них некоторые операции потребовали бы другой организации.

Команда заменила вопрос «где хранится память?» на более точные: какое различие должно пережить паузу, кто сумеет его восстановить, какое действие подтвердит правильность и что произойдёт при повреждении носителя? Эти вопросы не решают философский спор, зато делают выставочный пример проверяемым.

Когниция, распределённая по системе

На соседнем столе лежала копия навигационной карты, линейка, карточки с числами и журнал поправок. Такой набор напоминал об исследованиях Эдвина Хатчинса, описывавшего навигацию не как вычисление в голове одного человека, а как работу системы участников, приборов и представлений данных.

«Распределённая» не означает, что все знают одно. Один участник считывает показатель, другой преобразует, третий сопоставляет с картой. Ни один элемент не содержит весь ход решения; результат одного шага лишь должен быть пригоден для следующего.

Навигационную практику нельзя без проверки превращать в универсальное описание музея: различаются риск, обучение и полномочия. Полезна лишь явная аналогия: маршрут поддерживается не памятью «команды вообще», а цепочкой разметки, плана, журнала, монтажника и посетителя, обнаруживающего сбой.

Факт. В исследованных рабочих практиках вычислительные и навигационные задачи выполняются через согласованные действия людей и внешних представлений; форма передачи данных влияет на возможность продолжить операцию.

Ограничение. Из этого не следует, что любая группа образует единый разум или что успех системы можно объяснить одним наличием предметов. Нужно показать конкретную задачу, преобразования, роли и проверки результата.

Для КАРТЫ карта или журнал получают силу лишь внутри ролей: кто заполняет, кто читает, кто исправляет. Тестом становится возможность воспроизвести решение и обнаружить расхождение; альтернативой — другой формат или право остановить ненадёжную процедуру.

Расширяется ли разум

Философы Энди Кларк и Дэвид Чалмерс предложили мысленный эксперимент, ставший центром спора о расширенном разуме. Один человек обращается к биологической памяти, чтобы найти музей; другой из-за нарушения памяти постоянно пользуется записной книжкой, которой доверяет и сведения из которой обычно доступны. Если записи устойчиво играют ту же функциональную роль в управлении действием, почему заранее считать когнитивный процесс ограниченным кожей и черепом?

Сила аргумента — в требовании не проводить границу только по материалу. Бесспорнее сказать, что внешние средства помогают мышлению. Более сильное утверждение — внешний элемент составляет часть когнитивного процесса — остаётся философски спорным и не доказывается одной историей.

Не всякая заметка постоянно включена в действия. В обсуждении важны доступность, надёжность и привычность обращения. Но и эти критерии не закрывают возражений: функциональное сходство может оказаться неполным, а инфраструктура — гораздо шире одного блокнота.

Выставке не требовалось объявлять победителя. На стенде появились две формулировки.

Минимальный вывод: внешние носители меняют доступные человеку операции и могут быть устойчивой частью решения задачи.

Спорная гипотеза: в некоторых случаях граница когнитивного процесса проходит не по границе тела, а по функционально связанной системе человека и внешнего средства.

Так сохранялось различие между наблюдаемой зависимостью и онтологическим выводом. Пользование схемой можно проследить; является ли она частью разума — требует отдельного аргумента.

Материальное вовлечение

Теория материального вовлечения Ламброса Малафуриса предлагает пересмотреть привычную картину. Материальная форма участвует в становлении действия: свойства поверхности, инструмента и знака открывают одни преобразования и затрудняют другие.

Команда проверила эту идею на схеме маршрута. Участники рисовали стрелки, стирали линии и замечали конфликты, которые было трудно удерживать в разговоре. Схема не сообщала решение, но поставила рядом два пути; размер листа ограничил детализацию, карандаш сделал поправку дешёвой. Мысль менялась в ходе работы с материалом.

Таков осторожный смысл выражения «думать с вещами». У карандаша нет намерения: сопротивление бумаги физично, значимость линии освоена, выбор сохранить её принадлежит участнику. Но замена бумаги интерфейсом меняет набор лёгких операций, а с ним — поиск решения.

Интерпретация. Между формулами «человек сначала полностью придумал, потом записал» и «вещь подумала за человека» есть более точное описание: участник формирует решение в петле восприятия и действия, где внешний материал удерживает промежуточные различия и возвращает последствия сделанного.

Такой подход добавляет вопрос о возникновении операций. Был ли план готов до схемы или некоторые отношения стали мыслимы благодаря ей? Ответ зависит от теории и данных. Поэтому выставка показывала последовательность правок, не выдавая толкование за видимый факт.

Интерфейс помнит выборочно

Панель маршрута сохраняла последнюю утверждённую версию. Но комментарий о доступности прохода в неё не входил: положение объектов восстановилось без ошибки, существенная оговорка исчезла.

Носитель всегда отбирает. Записка ограничена вниманием автора и читателя, схема — системой обозначений, цифровая форма — предусмотренными полями и правами доступа. Автоматическое сохранение снижает риск одной потери и создаёт возможность другой: участники перестают дублировать сведения, которые программа не умеет хранить. Удобство способно сделать границы формата невидимыми.

Люди обходят ограничения интерфейса, но обход требует ресурсов и доступен не всем. Обязательное поле без подходящего варианта создаёт ложный выбор; скрытая история изменений выдаёт нынешнее состояние за единственно возможное.

Команда добавила поле основания, имя согласовавшего и статус «временная версия». Заполнение замедлилось. Хороший носитель не хранит всё: он сохраняет существенные различия и делает цену отбора видимой.

Проверить внешнюю память

К вечеру бирюзовая лента превратилась в небольшую систему. На плане появился такой же цвет, в журнале — номер версии, на столе — метка с направлением, а рядом — короткая инструкция для монтажника. Команда устроила проверку: сотрудник, не участвовавший в разговоре, должен был восстановить маршрут и назвать места, где данных недостаточно.

Он правильно развернул стол, но остановился у ширмы: план показывал исчезнувший проход. Внешняя память не вернула прошлое буквально, а позволила отделить поддержанное носителями решение от устаревшего элемента.

Разбор по КАРТЕ теперь выглядел так. Контур: какое решение должно сохраняться и считается ли оно советом, черновиком или обязательной инструкцией. Артефакты и каналы: лента, схема, журнал и панель, каждый со своей избирательностью. Роли и ресурсы: кто записывает, утверждает, имеет доступ и несёт цену обновления. Тесты и расхождения: может ли новый участник воспроизвести маршрут и заметить конфликт версий. Альтернативы: исправление, резервный формат, отмена решения и возможность запросить недостающие основания.

Из этой сцены следуют три предостережения. Вещи не думают вместо людей: они участвуют в системах действия, которые нужно описывать конкретно. След не равен смыслу: значение поддерживается обучением, контекстом и процедурой. Сохранение не равно истине: носитель может надёжно передать ошибку, устаревшее правило или удобную для одной роли версию.

Лида сняла старую ленту, но не выбросила её. Она приклеила полоску в журнал рядом с записью о сбое. Теперь метка обозначала уже не направление, а историю исправления. Один и тот же материал сменил функцию благодаря новому месту и новой практике.

Маршрут пережил паузу. Завтра его мог восстановить человек, которого сегодня не было в музее. Это расширяло сотрудничество во времени, но приносило следующую проблему. Если удачные и неудачные решения можно сохранять, копировать и передавать, почему одни накапливаются, другие исчезают, а третьи возвращаются после долгого забвения? Внешняя память делает накопление возможным, но не гарантирует ни непрерывности, ни прогресса.

Глава 6. Лестница, которой нет

Утром Лида разложила на полу пять сохранённых планов маршрута. На первом посетитель входил через боковую дверь и сразу попадал к механической птице. На втором дверь была уже закрыта ширмой. Третий вводил бирюзовую разметку, четвёртый переносил стол, пятый добавлял журнал версий. Листы отличались датами, толщиной линий и тем, какие пометки считались достойными сохранения.

— Получилась история улучшений, — сказал куратор и положил планы ступенями. — Можно повесить их в первом зале: от простого к сложному.

Лида прошла вдоль бумажной лестницы. Последний лист содержал больше деталей. Но проход на нём был уже, две тактильные метки исчезли, а журнал версий появился после вчерашнего сбоя. Ступени показывали направление, которого никто не выбирал.

Она поменяла местами третий и пятый листы. История всё ещё выглядела убедительно. Затем убрала второй. Связность почти не пострадала.

— Лестница терпит слишком много перестановок, — сказала Лида. — Значит, она объясняет меньше, чем обещает.

Сохранение превращает прошлое в доступный материал, но само по себе не задаёт траекторию. Чтобы понять, почему одна версия повторяется, другая меняется, а третья исчезает, недостаточно сосчитать новые элементы. Нужны разные механизмы — и право признать, что они могут действовать одновременно.

Четыре разных вопроса

Команда прикрепила планы не по датам, а вокруг 4 карточек: передача, отбор, дрейф, преобразование. Это были не последовательные ступени, а разные вопросы к одному и тому же изменению.

Передача спрашивает: как вариант попал от одного участника к другому или сохранился между двумя рабочими днями? Бирюзовую метку можно скопировать по инструкции, заметить на чужом плане, перенять во время совместного монтажа. В каждом случае канал и точность будут разными. Даже точное физическое копирование ещё не гарантирует одинаковой функции: полоска на полу направляет посетителя, та же полоска в журнале отмечает исправленный сбой.

Отбор спрашивает: почему среди доступных вариантов одни воспроизводятся чаще других? Причиной может быть удобство, заметность, престиж источника, административное требование, совместимость с уже установленным оборудованием или санкция за отклонение. Слово «отбор» не означает, что лучший вариант неизбежно победит. Нужно назвать среду, критерий сохранения и тех, для кого результат оказывается выгодным.

Дрейф нужен для случаев, когда частоты вариантов меняются без устойчивого преимущества одного из них. Небольшая команда способна закрепить случайно выбранный цвет просто потому, что первый рулон оказался под рукой. Если позднее все будут объяснять бирюзовый цвет его высокой различимостью, они могут принять найденное оправдание за первоначальную причину. Случайность не отменяет последствий: однажды закрепившийся вариант становится частью обстановки и влияет на следующие решения.

Преобразование спрашивает, что меняется внутри самого акта освоения. Человек не всегда получает готовую единицу и переносит её без поправок. Он достраивает неполную инструкцию, приспособливает жест к новому адресату, объединяет два правила или переопределяет назначение предмета. Вчерашняя лента стала записью об ошибке. Здесь новизна возникла не после отдельного этапа копирования, а в ходе понимания и применения.

В реальной истории механизмы переплетаются. Объяснение становится содержательным, когда указывает вклад каждого и допускает проверку альтернатив.

Что именно копируется

На центральном столе куратор хотел поставить кнопку «репликатор», умножавшую одинаковые значки. Но эффектный экспонат превращал научный спор в готовый ответ.

В моделях культурной эволюции действительно используют аналогии с биологической эволюцией: варианты наследуются или передаются, различаются и воспроизводятся с неодинаковой частотой. Такая рамка помогает формулировать вопросы, строить модели и сравнивать траектории. Из этого, однако, не следует, что вся культура состоит из чётко ограниченных единиц, копирующих себя подобно генам.

Где заканчивается передаваемая единица: бирюзовый цвет, правило идти по линии, право монтажника остановить работу или весь комплект? Разные границы дадут разные подсчёты. Получатель восстанавливает правило по неполному проявлению и меняет его в действии, обучаясь у коллег, схемы и реакции посетителей.

Сторонники репликаторного описания отвечают, что идеальная точность не нужна: достаточно устойчивой преемственности. Критики считают реконструкцию, смешение и зависимость от контекста слишком существенными для образа самостоятельной копирующейся единицы. Спор идёт о плодотворности объектов и допущений модели.

На стенде кнопку заменили двумя ползунками. Первый менял точность копирования, второй — степень преобразования участником. Посетитель видел: при разных настройках похожий итог мог возникать разными путями, а одинаковый исходный вариант — расходиться. Экспонат не решал спор, зато показывал цену скрытого предположения.

Факт. Исследования культурной эволюции включают разные формальные и эмпирические подходы к передаче, изменению и распределению культурных вариантов.

Гипотеза. Некоторые культурные процессы можно продуктивно описывать через отбор вариантов и наследование; область и пределы этой аналогии остаются предметом разногласий.

Интерпретация. Для КАРТЫ вопрос «что копируется?» нельзя отделять от носителя, роли толкователя и процедуры, которая признаёт две реализации одним вариантом.

Накопление без вершины

Слово «накопительная» легко вызывает образ башни: каждое поколение кладёт новый этаж поверх прежнего, и сооружение становится выше. Но культурное накопление охватывает не один тип изменений. В одних случаях сохраняются улучшения в эффективности. В других соединяются элементы, которые прежде существовали отдельно. Где-то растёт сложность навыка, где-то — надёжность его передачи, где-то появляется зависимость от распределённых знаний, которыми не владеет ни один участник целиком.

Даже критерий улучшения зависит от задачи и цены. Новый маршрут быстрее проводил большинство посетителей, но хуже работал для человека, которому требовались тактильные ориентиры. Электронная панель ускоряла обновление плана, одновременно скрывая историю правок от сотрудника без доступа. Больше функций не означает больше пригодности для каждого.

Поэтому накопительную культуру точнее рассматривать как семейство явлений. Члены семейства похожи частично: прошлые решения влияют на доступные будущие, изменения способны сохраняться дольше жизни отдельного участника, а итог превосходит то, что было бы легко заново изобрести одному человеку. Но конкретный механизм, единица и мера результата требуют отдельного описания.

Потери не опровергают накопление: система может долго усложняться и утратить навык при разрыве обучения или исчезновении материала. Но и не всякое изменение накапливается. Не удержавшаяся версия может остаться единичной импровизацией.

Куратор попытался спасти лестницу:

— Но посетителю нужна общая линия. Иначе останется россыпь случаев.

— Общая линия будет, — ответила Лида. — Только не линия восхождения. Линия зависимости: что следующий шаг получил от предыдущих и что он потерял.

На стене появилась сеть. От планов тянулись связи к инструментам, людям, правилам доступа и испытаниям. Некоторые ветви сходились, другие обрывались. У одной связи стояло «скопировано», у другой — «выбрано после теста», у третьей — «случайно закрепилось», у четвёртой — «переосмыслено».

Потеря тоже имеет механизм

Команда решила вернуть тактильные метки, но обнаружила, что никто не помнит их точного расположения. Фотографии показывали общий вид, журнал фиксировал решение убрать метки, а шаблон для вырезания был выброшен. Сохранился факт существования варианта, но не способ его воспроизвести.

Эта разница важна. Культура теряет не только сведения. Может исчезнуть последовательность движений, качество материала, среда обучения, право выполнять работу или группа людей, распределявшая между собой части процесса. Письменное описание сохраняется, а практическая способность исчезает. Или, наоборот, действие повторяют, уже не умея объяснить прежнее основание.

Новая сотрудница восстановила метки по фотографиям, но сделала их шире и добавила рельефный край. Старый вариант вернулся, если важна функция; возник новый, если единицей считать форму. Граница зависит от исследовательского вопроса.

Отсутствие шаблона заставило команду привлечь участника тестовой группы; его поправка изменила маршрут. Но потеря не обязана вести к творчеству: она может закрыть возможность без компенсации.

По КАРТЕ потерю можно разбирать так же строго, как устойчивость. Контур: что именно считалось сохраняемым — форма, функция, навык, полномочие или результат. Артефакты и каналы: какие следы пережили разрыв и чего они не удержали. Роли и ресурсы: кто умел воспроизводить практику и имел ли возможность обучить другого. Тесты и расхождения: по какому действию распознаётся сохранность. Альтернативы: возможно ли восстановление, замена или честный отказ от прежнего обещания.

Не одна история человечества

Лестничная композиция была особенно соблазнительна потому, что позволяла превратить разные изменения в единую шкалу. Больше записей, сложнее инструменты, длиннее цепочки сотрудничества — значит, выше ступень. Но шкала смешивала измерения и прятала цену.

Общество может поддерживать сложную систему счёта и ограничивать участие большинства в решениях. Практика может быть технологически простой и обеспечивать надёжную координацию в своей среде. Один и тот же институт наращивает способность действовать на расстоянии и усиливает зависимость от центра. Сравнение возможно, если заранее назвать показатель; универсальный ранг обществ из этого не получается.

Модели культурной эволюции позволяют исследовать локальные траектории и условия устойчивости. Модель становится лестницей, когда её переменные превращают в моральную шкалу, набор случаев — в судьбу всех обществ, а настоящее — в цель прошлого.

В музейном зале это было видно буквально. Нижняя ступень означала «раньше», верхняя — «лучше», хотя подписи обещали только хронологию. Пространственная метафора вынесла оценку до того, как посетитель успел рассмотреть данные.

Лида наклеила поверх ступеней вопросы: «Лучше для какой задачи?», «Передано через что?», «Кто выбрал вариант?», «Что исчезло?», «Кто оплатил устойчивость?» Лестница перестала работать как лестница.

Разобрать вводный зал

К вечеру плотник снял верхнюю площадку. Доски не выбросили: из них сделали отдельные столы для четырёх механизмов. На одном посетитель пытался передать схему через цепочку людей. На другом выбирал вариант под разными критериями. На третьем наблюдал, как малое число случайных повторений меняет итог. На четвёртом достраивал неполную инструкцию и сравнивал своё решение с чужими.

Планы маршрута больше не образовывали шествие от бедного прошлого к богатому настоящему. Они висели сетью, где можно было проследить судьбу конкретной детали. Бирюзовая линия сначала появилась из доступного материала, затем получила функцию, исчезла в одной версии, сохранилась на фотографии и вернулась в изменённом виде. Ни один глагол не объяснял всю цепь.

На выходе из зала посетителю предлагали выбрать одно изменение и заполнить короткую КАРТУ. Что изменилось? Через какие носители вариант дошёл до следующего эпизода? Какие роли и ресурсы увеличили его шансы? Как отличить сохранение от повторного изобретения? Какие альтернативы исчезли, вернулись или остались невидимыми?

Позднее — не обязательно сложнее; сложнее — не обязательно надёжнее; устойчивее — не обязательно справедливее. Но история не превращалась в хаос: решения ограничивали следующие решения, носители делали варианты доступнее, процедуры закрепляли выбор, а разрывы меняли набор возможного.

Когда последний помост вынесли, вводный зал показался шире. Но вместе с лестницей исчез удобный ответ на вопрос, куда движется выставка.

Куратор посмотрел на отдельные столы:

— Теперь посетитель поймёт механизмы. А как он поймёт, что люди вообще действуют вместе, если у каждого стола своя история?

Лида вернула на пол одну бирюзовую полосу и остановила её у границы следующего зала.

Отказаться от единой лестницы было недостаточно. Предстояло показать, как разные люди снова и снова собирают общий план, замечают расхождение и продолжают действие без полного совпадения мыслей. Не вершина связывала культурные изменения, а повторяемая координация — хрупкая процедура, которую можно восстановить, проверить и пересмотреть.

Глава 7. План, который видят двое

Два финала одной работы

После демонтажа лестницы в вводном зале осталось четыре стола, груда досок и бирюзовая линия, упиравшаяся в закрытую дверь. До пробного открытия было два дня. Куратор предложил простое решение: Лида собирает новый маршрут, монтажник Артём закрепляет стенды, а к вечеру они показывают готовый зал.

В шесть часов Лида вошла с распечатанными подписями и увидела, что столы уже прикручены к полу. Между первым и вторым оставался проход, слишком узкий для разворота коляски. На крайнем столе стояла табличка «Готово».

— Почему вы закрепили их до теста? — спросила она.

— Потому что закончил монтаж. Вы же сказали: к вечеру зал должен быть готов.

Лида имела в виду готовность к общей проверке. Артём — завершённую установку по утверждённой схеме. Оба помнили одну фразу, не скрывали сведений и добросовестно выполняли свою часть. Совпадали даже их ближайшие цели: открыть зал вовремя и не переделывать работу ночью. Провал возник не из-за отсутствия общего намерения вообще, а из-за разной границы действия, после которой изменение уже считалось исключением.

Слово «готово» оказалось не описанием предмета, а переключателем полномочий. Пока макет считался черновиком, Лида могла двигать столы. После таблички вмешательство превращалось в заявку на переделку, требовало разрешения техника и добавляло часы к смете. Одно слово меняло не только оценку результата, но и доступный следующий ход.

Табличку сняли, крепления открутили. На полу остались четыре отверстия — цена двух не сцепленных планов.

Части работы не складываются сами. Участникам нужно понимать зависимости, изменения, требующие ответа партнёра, и признак перехода к следующему этапу.

План — это не картинка в двух головах

Полное совпадение представлений недостижимо и обычно не нужно. Лида думает о маршруте посетителя, Артём — о нагрузке на крепёж. Именно различие знаний делает разделение работы полезным.

Нужен не двойной экземпляр одного замысла, а согласованность зависимых частей. Если стол должен оставаться подвижным до испытания прохода, план Лиды ограничивает время крепления. Если после перемещения меняется распределение веса, решение Артёма ограничивает допустимые позиции. Каждый не обязан владеть всей компетенцией другого, но должен видеть стык, на котором чужой ход меняет его собственный.

Философ Майкл Братман предложил анализировать совместную кооперативную деятельность через согласованные планы, взаимную отзывчивость и поддержку. Это нормативная модель, а не доказательство единого психологического механизма. Другие теории иначе определяют роль «мы-намерения», обязательства или групповой позиции.

Практический вопрос был проще: что должны видеть участники, чтобы их частные планы не разрушали общий?

Команда развернула схему на полу. В ней были не только конечные места столов, но и зависимости: «разметка прохода до сверления», «проверка доступности до фиксации», «подписи после выбора высоты», «свет после проверки бликов». Рядом с каждой стрелкой стояло имя того, кто начинает действие, и того, кто подтверждает результат.

План стал устройством переходов: кто действует, на что опирается, кому сообщает и когда следующий шаг начинать нельзя.

Знать и знать, что другой знает

Лида отметила на схеме: «Столы не крепить до теста». Артём прочитал запись. Казалось, проблема решена. Однако утром помощник передвинул один стол и не сообщил об этом: он видел запрет на крепление, но не понимал, что новая позиция меняет сценарий теста. Лида пришла с группой и обнаружила устаревшую разметку.

Доступность сообщения одному человеку ещё не создаёт общей осведомлённости. Для координации важно не только знать условие, но иметь основание считать, что партнёр тоже его знает и будет учитывать. Иногда достаточно явного подтверждения. Иногда это обеспечивает публичная доска, одинаково видимая всем. Иногда — устойчивая процедура: изменение не действует, пока ответственный участник его не принял.

Реальная бригада не вычисляет бесконечную лестницу «я знаю, что ты знаешь». Она использует заменители: совместное присутствие, повтор сообщения, подпись, сигнал интерфейса. Они не дают гарантии, но создают публичное основание для ожиданий и исправления ошибок.

На доске появился столбец «увидено». Подвинув стол, помощник прикреплял карточку с новой позицией. Лида отмечала, что обновила маршрут; Артём — что проверил крепление. Пока нужных отметок не было, положение считалось предложением, а не новой версией плана.

Отметка тоже могла вводить в заблуждение: «ознакомлен» не всегда значит «заметил изменение». Поэтому подтверждение соответствовало риску. Для обратимой перестановки хватало отметки, перед сверлением требовалось пройти маршрут вместе.

Знание о знании другого — не телепатический доступ к чужому уму. Это практическое основание полагаться на то, что определённое различие стало общим: было предъявлено доступным способом, получило наблюдаемый ответ и при необходимости прошло проверку действием.

Разделить не только труд, но и зависимости

На следующем участке Артём должен был установить подвесную рамку, Лида — вложить в неё последовательность карточек. Формально задачи были разделены ясно. Рамка появилась вовремя, карточки тоже. Но нижний край оказался выше линии чтения, потому что каждый выбрал высоту независимо: Артём исходил из центра стены, Лида — из роста посетителя у стола.

Список обязанностей отвечает на вопрос «кто делает?», но не обязательно показывает, «что один должен получить от другого». Полезное разделение задачи включает входы, выходы и точки сопряжения. Артём отвечает за безопасное крепление; его вход — согласованная зона чтения, выход — рамка, выдерживающая нагрузку. Лида отвечает за порядок карточек; её вход — размер видимого поля, выход — проверяемая последовательность. Высота не принадлежит одному из них: это совместная переменная на границе двух компетенций.

Стыки бывают временными, материальными, информационными и нормативными. Чем подробнее разбит проект, тем больше таких границ и тем легче потерять целое. Опасный или труднообратимый шаг требует явной проверки; обратимая импровизация допускает подстройку на месте. Важна не толщина документа, а способность заметить расхождение до необратимого действия.

Отзывчивость вместо повиновения

После истории с рамкой куратор предложил назначить одного человека, чей план будет главным. Решение обещало убрать двусмысленность: Лида определяет положение, остальные исполняют.

Артём попросил передвинуть рамку на десять сантиметров из-за скрытого кабеля. По прежней логике это выглядело как отклонение от общего замысла. Но слепое исполнение привело бы к повреждению стены. Совместный план должен ограничивать действия, не делая участников нечувствительными к информации, ради которой их компетенции и были объединены.

Взаимная отзывчивость означает, что каждый способен корректировать свой вклад в ответ на уместные действия и основания партнёра. Это не требование соглашаться со всем. Лида могла сохранить нужную высоту, изменив точку крепления; Артём мог отклонить опасный вариант, объяснив ограничение. Важна возможность осмысленного ответа, а не автоматическая уступка.

Поддержка не равна постоянному спасению чужой части. Иногда лучший вклад — взять часть работы, иногда предупредить о риске, иногда не вмешиваться. Совместность проявляется в ориентации на общий ход, а не в неразличимости ролей.

Факт. В философии коллективной интенциональности существуют конкурирующие анализы совместного действия; модель согласованных планов, взаимной отзывчивости и поддержки — один из влиятельных подходов.

Гипотеза. Способность людей отслеживать чужие цели и координировать взаимодополняющие роли могла быть важным условием развития характерных форм человеческого сотрудничества. Сильные эволюционные версии этой гипотезы остаются предметом обсуждения.

Интерпретация. В практической КАРТЕ общий план лучше искать не как одинаковую мысль, а как проверяемую сеть зависимостей, сообщений, полномочий и поправок.

Где план разрешено открыть заново

К полудню новая схема снова начала устаревать. При включённом свете прозрачные карточки отбрасывали тени на подписи. Можно было продолжить по плану, потому что крепления, порядок и сроки уже согласованы. Но тогда согласованность стала бы способом совместно произвести плохой результат.

Команда назначила точки пересмотра. Первая — до любого необратимого крепления. Вторая — после включения света. Третья — после прохода человека, который не участвовал в монтаже. Кроме них действовало право внеплановой остановки: любой мог показать наблюдаемое расхождение с условием безопасности, доступности или смыслом экспоната.

Точка пересмотра отличается от непрерывного сомнения. Если каждый шаг можно отметить без основания, партнёры не могут планировать собственные действия. Если пересмотр запрещён после первого согласования, ошибка получает защиту от новой информации. Рабочий режим связывает устойчивость с заранее понятными поводами открыть план: наступил этап проверки, изменилось существенное условие, появился новый риск или тест дал отрицательный результат.

Важно учитывать цену возражения. Формальное право остановки может быть недоступно из-за насмешек или риска потерять смены. Процедура проверяется тем, может ли менее влиятельный участник реально запустить пересмотр.

Помощник заметил тень первым, но сказал об этом лишь после вопроса Лиды. На доску добавили не героический призыв «будь смелее», а нейтральный сигнал: красный магнит означал остановку до короткой общей проверки. Поставивший его должен был указать наблюдение, а не готовое решение. Это снизило цену сообщения и не передало одному человеку власть бесконечно блокировать монтаж.

Протокол общей проверки

К вечеру четыре человека встали у входа. Теперь куратор не спросил: «Всё готово?» На этот вопрос каждый снова ответил бы о своей части. Вместо него команда прошла короткую последовательность.

Сначала один участник называл общую цель текущей версии: посетитель проходит четыре стола, различает четыре механизма изменения и может развернуться между ними. Затем каждый показывал свой завершённый вклад и зависимость, которую передаёт следующему. Лида предъявляла маршрут и подписи; Артём — устойчивость и возможность безопасного перемещения; помощник — метки актуальной версии; куратор — соответствие обещанию вводного зала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.